

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Сборник VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

А. П. БАЗИЯНЦ

СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В МОСКВЕ

(первая половина XIX в.)¹

Единственным специальным востоковедным учреждением в Москве до революции был Лазаревский институт восточных языков². Его история одна из интереснейших страниц истории русской, а также армянской культуры. Небольшое частное армянское учебное заведение, возникшее в начале XIX в., превратилось в высшее учебное заведение, сыгравшее крупную роль в развитии востоковедения в России. Вместе с тем Лазаревский институт можно рассматривать как один из центров армянской культуры, как один из лучших проводников передовых идей русской науки и общественной мысли в среде армянской интеллигенции.

Нельзя сказать, что история Лазаревского института восточных языков осталась вне поля зрения исследователей. Первый очерк по истории этого учебного заведения был написан более столетия назад. Что касается информационного материала (объявления об институте, правила приема в него, условия обучения и т. д.), то он появился на страницах периодической печати и отдельными публикациями еще в 20-е годы XIX в. Ценность дореволюционных изданий заключается в первую очередь в том, что они представляют собой собрание документов, свидетельства очевидцев. Что касается научного уровня дореволюционных публикаций, то он не очень высок и имеет описательный характер. До 50-х годов нашего времени у нас не было специальных исследований по Лазаревскому институту, а упоминания о нем в статьях по истории востоковедения столь противоречивы в

¹ Статья является частью подготавливаемой к печати монографии.

² В Московском университете в прошлом веке в разные годы факультативно преподавались восточные языки талантливыми учеными, но востоковедение как наука не получило широкого развития.

своих оценках вклада института, что скорее внесли путаницу в этот вопрос. В 1953 г. в Вене была издана на армянском языке довольно объемистая книга Осепа Тадеосяна — «История рода Лазаревых и Лазаревского института восточных языков». Автор ее бывший студент Лазаревского института написал книгу с позиций буржуазного востоковедения, не затрудняя себя научным анализом сложных исторических условий, в которых развивался Институт. Находясь в эмиграции, автор был лишен возможности использовать богатые архивы семьи Лазаревых и Лазаревского института, хранящиеся в Москве, Ленинграде, Ереване и других городах. Книга О. Тадеосяна в значительной степени имеет характер компиляции из дореволюционных изданий по данной теме. Сам факт публикации книги о Лазаревском институте за рубежом означает, что в многочисленных армянских колониях проявляется значительный интерес к этому выдающемуся в дооктябрьской истории армянского народа очагу культуры.

Не исчерпывает всей сложности и многогранности темы вышедшая в 1959 г. под редакцией академика Иосифа Абгаровича Орбели наша работа о Лазаревском институте. Это замечание справедливо и по отношению к интересной статье В. А. Дилояна «Из истории основания Лазаревского института»³.

Предметом данного исследования является история Лазаревского института с момента его основания и до 1848 г., когда он был реорганизован.

История Лазаревского института является частью истории востоковедения и связана также с историей Закавказья и политики России на Ближнем и Среднем Востоке, начиная со второй половины XVIII в.

Одной из основных внешнеполитических проблем России в конце XVIII в. была черноморская. Она определялась задачами освоения южных земель, безопасности южной границы, соседствующей с зависимым от Турции Крымом, служившим плацдармом для неоднократных набегов, а также торговыми интересами.

В результате ряда победоносных войн к России перешли территории на Северном Кавказе, некоторые крепости на Черном море, Крым, юго-западная граница была отодвинута до Буга. Россия стала одной из сильных черноморских держав. Благоприятно для России был решен и режим проливов.

В начале XIX столетия Армения все еще находилась под

³ «Известия АН Армянской ССР», 1961, № 7, стр. 55—68.

жестоким гнетом султанской Турции и шахской Персии. Много веков боролся армянский народ против своих угнетателей, неся неисчислимые жертвы, но устоял, сохранил свой язык, свою культуру. С надеждой смотрели армянские патриоты на великого северного соседа. Присоединение части Закавказья к России воодушевило закавказские народы, создало новый стимул для решительной борьбы против ига турецких и персидских феодалов. Как известно, первая треть XIX в. проходила в непрерывных войнах между Россией, Турцией и Персией. Территория Закавказья превратилась в основной театр военных действий. Следует отметить, что симпатии большинства народов Закавказья были на стороне русских. Полки добровольцев-патриотов армян, азербайджанцев и грузин героически сражались на стороне России. Это была борьба за свое освобождение от турецкого и персидского ига, от реальной угрозы физического уничтожения, чего не избежало население Западной, так называемой Турецкой Армении.

По справедливому определению З. Т. Григоряна, автора монографии «Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в», «...борьба армянского народа за свое освобождение от персидского гнета являлась одновременно и борьбой за экономическое и культурное развитие своей страны, а сближение армянского народа с русским содействовало достижению этой цели»⁴.

Несмотря на колониальную политику царского правительства, народы Закавказья после присоединения к России получили несравненно лучшие условия экономического и культурного развития, нежели под ярмом персидского шаха и турецкого султана.

Прогрессивность присоединения Закавказья к России — факт доказанный и бесспорный. В единении с Россией были заинтересованы все слои народов Закавказья. Каждая социальная прослойка, преследуя свои интересы, выступала против угнетателей. «В программах всех течений освободительного движения именно Россия рассматривается как реальная сила, способная освободить Армению»⁵.

Длительная и мучительная борьба для части армянского народа, наконец (правда только, для части армян), завершилась в 20-е годы XIX в. Даже в условиях крепостнической России жители присоединенных земель получили гарантию на жизнь, на владение имуществом, на мирный быт, чего были лишены в шахской Персии и султанской Турции.

⁴ З. Т. Григорян, *Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века*, М., 1959, стр. 36, 37.

⁵ Там же, стр. 45.

Историческая судьба армянского народа сложилась трагично; значительная его часть оказалась разбросанной по всему миру. В Европе, Азии, Америке возникли армянские колонии. В России — в Причерноморье, Крыму, Северном Кавказе появились многочисленные поселения армян. Но и далеко от Армении армяне стремились сохранить связи с родиной, боролись против ассимиляции. Однако по Адрианопольскому договору (1829) Россия была вынуждена вернуть освобожденную территорию Западной Армении. Значительная часть армянского населения этой области потянулась в русские пределы, покидая родные места. В первые два послевоенных года в Россию переселилось около 90 тыс. армян.

Процесс переселения армян в Россию начался не в первой четверти XIX столетия, а значительно раньше.

«Хозяйственное разорение Армении и жестокий гнет персидских и турецких завоевателей уже в XVII веке заставили армян переселиться в Москву и в другие города России. Со второй половины XVII века наплыв армян в Россию, в частности в Москву, усиливается и приобретает массовый характер.

Эти переселенцы сыграли немалую роль в сближении с Россией, в развитии русско-армянских связей. Ряд данных показывает, что со второй половины XVII века и в начале XVIII века в Россию потянулись не только армянские купцы и представители духовенства, но также армянские ремесленники и первые мануфактуристы»⁶.

В одном из указов, датированном 1797 г., говорится «о принятии выехавших из Персии меликов с подвластным им армянским народом (11 тысяч семей) в российское подданство и о поселении их на Кавказской линии»⁷.

Армянскими переселенцами были основаны города Кизляр, Ново-Нахичевань-на-Дону, Григориополь на Днестре и др.

К числу таких переселенцев следует отнести семью Лазаревых (Лазарян), с именем которой позже будет связан один из первых востоковедных центров России. В середине XVIII в. в Россию из Персии переселился Лазарь Назарович Лазарев с четырьмя сыновьями. Лазаревы вначале обосновались в Астрахани, где существовала обширная армянская колония. Несколько позже Лазаревы переехали в Москву, а старший в роду — Иван Лазаревич — в Петер-

⁶ П. Т. Арутюнян, *Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века*, М., 1954, стр. 185.

⁷ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», М., 1833, ч. 1, стр. 32.

бург. В Москве и других районах ими основаны были мануфактуры по производству шелковых и бумажных тканей, расширены горные заводы и соляные промыслы, купленные у Строганова, и создано много новых. Лазаревы представляли нарождающуюся промышленную буржуазию, тесно связанную с торговлей стран Востока.

Для того чтобы улучшить производство тканей на своих мануфактурах, они приглашали искусных мастеров из других стран. Лазаревы показали себя людьми широкими взглядов и не чуждыми общественных интересов. Еще со времен Петра I передовые деятели армянского освободительного движения готовили проекты создания армянского национального государства. К этой мысли армянские патриоты возвращались не раз. Среди участников движения были и представители семьи Лазаревых.

Ованес Лазарян (Иван Лазаревич Лазарев) представлял в армянском движении, направленном против турецкого и персидского гнета, интересы феодально-клерикальных слоев. Вместе с армянским архиепископом Иосифом Аргутинским он принимал участие в подготовке проектов о воссоздании армянского государства под покровительством России. Выработанные ими проекты предусматривали создание армянского государства во главе с монархом, который должен был быть представителем либо армянской знати, либо русской. Упоминалось имя князя Потемкина как предполагаемого армянского царя. В родословных Лазаревых, составленных для получения звания российского дворянства, содержались намеки на то, что Лазаревы происходят из знатного княжеского рода. Во всяком случае Лазаревы претендовали на значительную роль в будущем армянском государстве.

В современной исторической литературе нет единого мнения относительно отношения русского правительства к проектам создания армянского государства. Автор данной статьи, на основе изучения архивных материалов и колониальной политики России, склонен присоединиться к той группе, которая считает, что царское правительство не стремилось к созданию даже и вассального армянского государства и несколько не считалось с этими проектами, но до поры до времени оно не проявляло своего отрицательного отношения открыто. К советам Ивана Лазарева прислушивались, особенно при определении политики в отношении Закавказья, Турции и Персии. Иван Лазарев был в дружеских отношениях с великим полководцем А. В. Суворовым и с известным фаворитом Екатерины II князем Г. А. Потемкиным. Когда А. В. Суворов был назначен (в конце 1779 г.) руководителем

предполагавшегося похода в восточное Закавказье, он часто встречался с И. Лазаревым и архиепископом Иосифом Аргутинским. «Особенно интересно то обстоятельство, что Суворов выразил свое благосклонное отношение к вопросу о восстановлении армянского государства и недвусмысленно говорил о том, что Россия намерена сделать серьезные шаги в этом направлении»⁸.

Известно, что Екатерина II вела переговоры с армянскими политическими деятелями о воссоздании под покровительством России армянского государства⁹.

Исходя из интересов своей внешней политики, царское правительство поддерживало длительное время армянское национально-освободительное движение, заигрывая с его руководителями.

Русское правительство охотно прибегало к услугам семьи Лазаревых в реализации своей восточной политики. Л. Е. Лазарев ведал переселением армян из Персии. Брат его Х. Е. Лазарев еще в 1801 г. поступил в Коллегию иностранных дел, а в 1811 г. был назначен в Азиатский департамент. В 1826 г. он по распоряжению вице-канцлера К. В. Нессельроде был откомандирован из Министерства иностранных дел к Бенкендорфу для выполнения особых поручений по «внешним азиатским сношениям».

Бенкендорф писал Х. Е. Лазареву: «нужным считаю ныне возложить на вас для исполнения нижеследующее: 1-ое дабы сосредоточить сведения по разным видам с восточными народами, рекомандую открыть вам ныне же переписку с лицами, известными усердием и преданностью к России, получать из разных мест известия относительно Турции, Персии и других восточных народов, живущих на границах и в новоприобретенных областях империи...»¹⁰.

Иван Лазаревич Лазарев так и не дождался освобождения Армении (он умер в 1801 г.), но, видимо, не сомневался, что рано или поздно это освобождение произойдет и вот тогда-то особенно понадобятся образованные и подготовленные люди.

Нам кажется, будет правильным именно этим объяснить желание братьев Лазаревых создать учебное заведение для армянского юношества. Объяснять поступок благотворительностью, конечно, наивно. Лазаревы обладали огромным бо-

⁸ М. Нерсисян, *Из истории русско-армянских отношений*, кн. 1, Ереван, 1956, стр. 52.

⁹ Там же.

¹⁰ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 880, оп. 5, д. 118, л. 40 (далее — ЦГИАЛ).

гатством, имели дворянские титулы, были влиятельными государственными и военными деятелями своего времени. Благотворительность их семьи была известна, и создание еще одного благотворительного заведения лишь немного прибавляло к имеющимся лаврам.

Армянская буржуазия, связанная торговыми интересами со многими странами и не чуждая патриотическим интересам, понимала необходимость распространения образования. Хотя официальные круги царской России не только не помогали, а противодействовали созданию армянских учебных заведений, все же в различных городах страны — Москве, Нахичевани-на-Дону, Астрахани, Тифлисе были основаны армянские училища. Следует отметить, что армянские учебные заведения были частными, созданными главным образом на благотворительные средства, и не получали никакой поддержки от правительства. Возникновение армянских учебных заведений объясняется теми же причинами, которые привели в начале XIX в. к некоторому развитию образования в России. Обширное и все увеличивающееся самодержавное бюрократическое государство испытывало недостаток в подготовленных чиновников, а растущая торговля и промышленность — в специалистах. В начале XIX в. правительство утвердило новое положение об устройстве учебных заведений. Было создано шесть учебных округов, в которых учебные заведения были разбиты на четыре разряда: приходские, уездные, губернские (гимназии) и университеты.

Были созданы лицеи, закрытые учебные заведения, предназначенные исключительно для лиц дворянского происхождения. В лицеях проходил курс гимназий и университетов. Лицей, в частности Демидовский в Ярославле, Царскосельский относился к первообразным учебным заведениям. Все эти меры имели весьма ограниченный характер, но при всех недостатках, сыграли известную роль в подъеме русской культуры, в оживлении научной мысли.

К этому же периоду относится и основание в Москве армянского учебного заведения. Иван Лазаревич Лазарев в своем завещании (составлено 4 января 1800 г.) «предписывал своему наследнику, именно брату Екиму Лазаревичу Лазареву¹¹, внести после его смерти (И. Л. Лазарев умер 24 октября 1801 г.— А. Б.) в Московский опекунский совет 200 тыс. рублей ассигнациями, чтобы имеющею составиться из %₀-ов значительную сумму соорудить со временем при-

¹¹ В документах и книгах чаще встречается Еким, Аким (по-армянски Овагим).

личное здание для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации»¹². Еким Лазаревич не стал ждать накопления процентов и, несмотря на большие потери от московских пожаров, сразу же после окончания Отечественной войны приступил к созданию учебного заведения в Москве, в районе, издавна заселенном армянами «...Я собрал ту сумму,— писал Е. Л. Лазарев,— в первые четыре года вступления в наследство и внес по назначению в Санктпетербургский Опекунский Совет.

А из получаемых в течение времени процентов, по недостатку оных, с присовокуплением от себя более ста тысяч рублей выстроил в Москве, на принадлежащем мне, с одобрения начальства месте, по плану им же утвержденному приличное предмету каменное здание»¹³.

Не случайно армянское учебное заведение было решено основать в Москве. Она являлась одним из центров русской культуры и науки. Москва представляла собой торговый центр страны, здесь располагалась армянская колония, насчитывавшая еще в конце XVII в. около двух тысяч человек¹⁴. Наличие старейшего университета скорее содействовало бы лучшей организации учебного процесса в Лазаревском институте, а также приобщению армянской учащейся молодежи к передовой культуре русского народа. Следует иметь в виду также, что Армения в то время не была в составе Российской империи, а о создании учебного заведения на территории Закавказья говорить не приходится. И, надо сказать, что за сто лет, прошедших со времени присоединения Закавказья к России, вплоть до Великой Октябрьской

¹² «Материалы для истории Лазаревского института восточных языков», вып. 1, М., 1914, стр. VI. Надо отметить, что Лазаревский институт — не единственное учебное заведение, связанное с именем старшего из братьев Лазаревых. «В делах Петербургского армяно-григорянского духовного правления сохранились сведения о том, что в 1800 году в Петербурге была армянская школа, помещавшаяся в церковных домах по Невскому проспекту. Церковные дома, как и сама армянская церковь на Невском проспекте, построены, как известно, семьей Лазаревых. Но еще раньше, недалеко от Петербурга, в городе Софии, построена иждивением господина дворянина Ивана Лазаревича Лазарева градская народная школа, которая минувшего генваря 28-го числа и открыта. На содержание же сей школы внесено от г. Лазарева тысяча рублей и учеников вступило уже довольноное число» (С. Г. Арешян, *Армянская печать и царская цензура*, Ереван, 1957; ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, ч. 1, д. 19, л. 51).

¹³ Московский областной государственный исторический архив, ф. 213, оп. 1, д. 1, л. 2 об. (далее — МОГИА).

¹⁴ Э. Т. Григорян, *Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века*, стр. 43.

социалистической революции, в крае так и не было создано ни одного высшего учебного заведения.

Здание Лазаревского института представляет собой замечательный архитектурный памятник зодчества XIX столетия. Известный историк Москвы П. В. Сытин причисляет институт «...к числу архитектурных достопримечательностей Москвы... здание, приподнятое высоким цоколем, эффектно поставлено в глубине парадного двора, окаймленного со стороны переулка красивой оградой и монументальными воротами. Великолепный портик выразительно оформляет центр здания. Главный корпус и гармонично сочетающиеся с ним боковые флигели составляют прекрасно решенный ансамбль»¹⁵.

В работах о Лазаревском институте, в проспектах самого института (как и в многочисленных газетных статьях и заметках) не упоминается имя архитектора, создавшего этот замечательный памятник русской архитектуры.

Только в книге «Материалы для истории Лазаревского института восточных языков» приводится архивная запись: «Составлены были различные проекты планов на здания архитекторами: действительным статским советником Соколовым, академиками Мельниковым, Простаковым и другими». Эту же запись повторяет в своей статье и В. Дилоян.

Кто же архитектор? Почему никто не упоминает его имени?

Но прежде чем установить имена зодчих, выясним дату строительства здания, так как она до сих пор не уточнена. Обычно датой закладки Лазаревского института считают 10 мая 1814 г. Однако это не совсем верно. Дело в том, что в этот день было проведено освящение заложенного здания, а строительство, как об этом свидетельствуют документы, началось раньше. «В начале 1813 г. возводились постепенно и успешно строения, из них некоторая часть была почти готова в 1814 г. Там, где был старый каменный дом предков г. г. Лазаревых, что ныне по перестройке составляет со входа на двор правый флигель, — в 1814 г. положено начальное открытие учебного для образования армян заведения»¹⁶. (Интересно, что В. Дилоян приводит аналогичные документы из архива Лазаревых, хранящихся в Ереване). Главный корпус и два примыкающих к нему флигеля были закончены в 1823 г.

Попытаемся теперь назвать и архитекторов. В архивных

¹⁵ П. В. Сытин, *Из истории московских улиц*, М., 1958, стр. 266.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 147, л. 150.

фондах семьи Лазаревых часто упоминаются имена двух архитекторов — Ивана Подьячева и Тимофея Простакова. В «Памятной записке», датированной 4 марта 1817 г., Х. И. Лазарев требует, чтобы «Подьячев обще с Тимофеем Григорьевичем (Простаковым. — А. Б.) имеет к востребованию моему приготовить следующие планы: 1) план в перспективе большому корпусу училища (Лазаревский институт до 1827 г. назывался училищем. — А. Б.) с двумя флигелями и оградой, план сей сделать в большом мачтабе и виде как можно лучше. Планов сих приготовить три экземпляра; 2) сделать прожекты планов для сараев, конюшни, погребов и прочих принадлежностей при училище как лучше и удобнее»¹⁷.

В другом документе читаем: «Архитектору Подьячеву прочетом сего объявить, чтоб все работы как при училище во флигелях, так и при нашем доме непременно производимы были бы с наилучшим успехом...»¹⁸.

Сохранилось личное письмо Тимофея Простакова (от 29 мая 1814 г.), адресованное Христофору Лазареву. В нем Простаков пишет: «Во время бытности Вашего (Христофора Лазарева. — А. Б.) в Москве угодно было Вам поручить мне поделать для поднесения государю в прожективном виде чистые два фасада армянскому училищу, которое мной построено. Еще приготовить прожекты для принадлежащего к оному училищу служб, то есть флигели...»¹⁹. И, наконец, в «Описи планам, имеющимся у архитектора Подьячева, которые по отъезде его в Пермь представляются в Московскую контору» (контора Лазаревых) прямо указываются авторы. В этой описи числится «Планов на училище:

1. фасад училища в преспективе,
2. фасад корпусу училища с флигилями прожекта Простакова на одном листе,
3. фасад двум флигилям прожекта Простакова на одном листе,
4. Фасад флигилей с боковой стороны от двери прожекту Подьячева,
5. фасад с боковой стороны флигилей прожекту Простакова,
6. прежний проект (в тексте две формы написания: прожект и проект. — А. Б.) Простакова принадлежностям училищу...

¹⁷ Центральный государственный архив древних актов, ф. 1252, оп. 1. ч. 2, д. 4356, л. 205 (далее — ЦГАДА).

¹⁸ Там же, л. 257.

¹⁹ Там же, д. 260, л. 1.

7. фасад монумента»²⁰.

Таким образом, можно утверждать, что два русских архитектора — Иван Подьячев и Тимофей Простаков были авторами замечательного памятника зодчества. Они же вместе с Аракеловым наблюдали за ходом сооружения института.

Нам кажется, можно ответить и на второй вопрос — почему имена архитекторов остались забытыми. Скорее всего потому, что Иван Подьячев и Тимофей Простаков были крепостными. Талантливый архитектор-самоучка Т. Г. Простаков был крепостным генерала А. М. Римского-Корсакова. Простаков построил много зданий для Голицына, Апраксина, Остермана, Лазаревых и, несмотря на ходатайства многих влиятельных лиц и вмешательство самого царя, был освобожден от крепостной зависимости только глубоким стариком²¹.

Обнаруженные в архивах сведения подтверждают, что Иван Матвеевич Подьячев в 10—20-х годах XIX в. был крепостным графов Лазаревых. В одном из документов Христофор Лазарев указывает своему поверенному: «Архитектору Ивану Подьячеву предписываю взять на свои руки Матоку Козлова, обучать его грамоте, рисованию, черчению, планам и архитектуре»²². В документе, датированном 30 июля 1820 г., написано еще резче: «Приказать архитектору Подьячеву для доставления к нам сделать... карандашом чертеж...»²³.

О положении Подьячева свидетельствует и другой документ: «Естьли я (Христофор Лазарев.— А. Б.) найду какую в чем неисправность, за оное строго с него неотменно взыщу, а потому, он по должности своей и обязан иметь примерное старание и усердие, при этом не осмеливаться ему никуда отлучаться без ведома и спроса Василья Васильевича, у коего и находиться ему Подьячеву в полном повиновении и послушании и в случае неисправности чинить с него неослабное взыскание»²⁴.

И, наконец, письмо самого Подьячева, обращенное к некоему «...милостивому государю Ивану Ивановичу». Это письмо не нуждается в комментариях. «Почтеннейшее предписание Ваше я низайший раб удостоился получить, в коем

²⁰ Там же, д. 4112, л. 48.

²¹ В 1838 г. Академия художеств «во внимание к хорошим познаниям по части художеств» присвоила Т. Г. Простакову звание «неклассного художника архитектуры». Умер Простаков в Москве 15 сентября 1853 г. и похоронен на Ваганьковском кладбище (подробно см. С. В. Безсонов, *Крепостные архитекторы*, М., 1938).

²² ЦГАДА, ф. 1252, юп. 1, ч. 2, д. 4356, л. 255.

²³ Там же, л. 257.

²⁴ Там же.

Вы изволили предписать о поданной мною Вашему Высокоблагородию смете на отделку сгоревшего дому... теперь по приказанию Вашего Высокоблагородия... я сделал план сгоревшему дому... и ежели угодно будет отделать по сему плану — то соблаговолите на оных подписать...»²⁵. Заканчивалось письмо — «...сих с моим Вам рабским высокопочтением и преданностью остаюсь Вашего Высокоблагородия Милостивейшего Государя всеижайший раб и всепокорнейший слуга Иван Подьячев»²⁶. Интересно отметить, что письмо написано в Москве 6 февраля 1813 г. (т. е. Иван Матвеевич занимался проектированием и строил дома и службы для Лазаревых в Москве еще в начале 1813 г.).

Таким образом, мы можем утверждать, что замечательное здание Лазаревского института является творением русских крепостных архитекторов Ивана Матвеевича Подьячева и Тимофея Григорьевича Простакова. Впоследствии здание перестраивалось. В перестройке принимал участие и Подьячев. 12 декабря 1822 г. в честь семьи Лазаревых, основателей института, был поставлен памятник — чугунный обелиск с вмонтированным в каждую из четырех граней скульптурным портретом представителя фамилии и памятными надписями на плитах. (В XX в. этот памятник был перенесен из сада, который находился за домом, и установлен перед центральным входом). Чугунный обелиск весом 750 пудов был отлит на пермских заводах Е. Лазарева. Там же была сделана и железная ограда, установленная перед фасадом здания.

Ровно через столетие после создания Лазаревского института, когда подъем рабочего и крестьянского движения стал все больше и больше пугать правящие классы, верноподданническая печать, инспирируемая правительством, пыталась любыми способами разжечь межнациональную рознь, чтобы в братоубийственной войне погасить пламя классовой борьбы,

²⁵ Там же, ф. 1283а, лл. 1, 2.

²⁶ Иван Матвеевич Подьячев числился с 1814 г. в должности архитектора, а с 1816 г. — эконома института. «Императорская Академия художеств за хорошие успехи в архитектуре по заданной от совета оной программы, удостоила его звания свободного художника, с предоставлением права по силе всемилостивейше дарованных Академии привилегий, пользоваться с его потомством вечною и совершенною свободою и вступить в службу, в какую пожелает. 29 мая 1835 г.».

Принят в Восточный Лазаревых институт в канцелярскую должность 4 апреля 1835 г.

Сверх настоящей должности исправляет архитектурскую и должность эконома со дня принятия в сей институт.

Из формулярного списка канцелярского служителя Ивана Матвеева сына Подьячева за 1841 г. (ЦИИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 171, лл. 71, 72).

вызвать шовинистические настроения обывателей и развеять, в частности, вековые симпатии русского общества к армянскому народу. И вот тогда-то, в начале XX в., черносотенная газета «Русское знамя» не остановилась перед грязной клеветой в адрес Лазаревых, основателей института. Газета пыталась скомпрометировать Лазаревский институт восточных языков, который, как известно, был достаточно популярным. Не брезгуя ничем, газета пустила в ход версию, что институт основан на деньги, полученные от продажи украденного в Иране бриллианта, известного под названием «алмаза Орлова».

Поводом для выступления газеты послужила просьба Абаделик-Лазарева о разрешении ему пожертвовать институту дом, дающий 50 тыс. рублей дохода для того, чтобы здание института можно было расширить для устройства в нем параллельных классов. Мракобесов из газеты это вывело из себя. «Нам приходится вернуться, — писала газета, — на несколько минут к нашим делам. Как хорошо известно, в доброе старое время армянин Лазарев, служивший казначеем у персидского шаха, украл у него лучший бриллиант и бежал в Россию, где этот бриллиант положил основание его богатству. Армянин-шовинист основал для благополучия армян Лазаревский институт в Москве. В этом институте в истинно Гайканском духе воспитывается армянская молодежь и до настоящего времени. Теперь армянские патриоты находят, что этого недостаточно и что Лазаревский Институт должен воспитывать в истинном Гайканском духе и заграничных армян». ²⁷

Конечно, советскому историку не пристало заниматься доказательством «праведности» источника богатств графов Лазаревых. Краткий экскурс в историю с бриллиантом имеет своей целью разоблачение пущенной черносотенцами клеветы.

При изучении обстоятельств, при которых камень попал в Россию, выяснилось, что еще в прошлом веке (т. е. задолго до заметок в газете «Русское знамя»), серьезный ученый М. И. Пыляев в книге «Драгоценные камни, их свойства, местонахождение и употребление», выдержавшей три издания, проанализировал различные версии, существовавшие вокруг истории алмаза. Пыляев называет алмаз также амстердамским, потому что Григорий Сафраз (в архивных документах Григорий Сафразов), сын Ходжеминов (правильнее Ходжеминасов), владелец алмаза, жил до переезда в Россию в Голландии и хранил этот бриллиант в Амстердам-

²⁷ «Русское знамя», 6.VI.1914.

ском банке. Что касается Лазаревых, то один из них купил долю алмаза и содействовал покупке Орлова. Однако правдивое описание оказалось почти забытым, а выдумка — живучей.

В брошюре «Алмазный фонд», изданной в 1925 г., написано: «...Знаменитый алмаз Орлова, весом в 194,75 карата. Камень этот, выкраденный в начале XVIII века из Индии, был в 1773 году куплен князем Григорием Орловым за 400 тысяч рублей и поднесен им императрице в день ее именин. Вскоре после этого алмаз был вставлен в навершие скипетра, где находится и до сих пор»²⁸.

Следует отметить и такой факт — крупнейший советский минералог академик А. Е. Ферсман в своих книгах, посвященных самоцветам и культуре камня в России, воспроизводит снимки этого алмаза, но обходит молчанием выдумки, полагая, вероятно, их недостойными упоминания. Возможно, А. Е. Ферсман считал достаточными высказывания М. И. Пыляева. Многочисленные архивные документы, касающиеся алмаза, различаясь в деталях, подтверждают его основные выводы.

Таким образом, можно утверждать, что не Лазаревы привезли в Россию этот алмаз. Видимо, прав был упоминаемый ранее Пыляев, когда писал: «Необычайность такой драгоценности, находившейся сначала в собственности частного лица и, может быть, самые обстоятельства, при которых он был поднесен Императрице, подали повод к фантастическим выдумкам и породили много слухов и рассказов о том, как достался знаменитый алмаз»²⁹.

История покупки бриллианта, причины, побудившие Орлова сделать такой подарок царице, сами по себе любопытны, но не имеют прямого отношения к данной теме.

Чтобы закончить этот экскурс, следует сказать, что еще задолго до продажи этого бриллианта Лазаревы обладали весьма крупным состоянием и к их финансовой помощи обращались в свое время и шах Ирана и русский царь.

Интересно отметить, что позже, в середине XIX в., персидский шах награждал представителей семьи Лазаревых за содействие «образованию персидскоподданных» высшими иранскими орденами.

* * *

²⁸ «Алмазный фонд СССР», Л., 1925, стр. 9.

²⁹ М. И. Пыляев, *Драгоценные камни*, СПб., 1896, стр. 158.

Преподавание в Лазаревском институте началось задолго до окончания строительства помещений. Уже в мае 1815 г. «Лазаревское армянское учебное заведение восприняло предварительное бытие свое...»³⁰. В многочисленных архивных документах указываются две даты начала занятий — май 1815 и начало 1816 гг.

Несмотря на то, что многие факты и среди них такой веский, как завершение строительства центрального корпуса в 1816 г., говорят за достоверность второй, — можно утверждать, что верны обе даты³¹.

В 1815 г. училище еще только оформлялось, в нем было незначительное число воспитанников, т. е., как говорилось выше, оно «восприняло предварительное бытие свое». В 1816 г. появилось несколько классов, увеличился состав преподавателей.

Занятия в 1815 г. происходили в доме, который еще принадлежал Лазарю Назаровичу Лазареву. «На том самом месте... где ныне сооружено здание большого корпуса и флигелей Армянского учебного господ Лазаревых заведения, был прежде каменный двухэтажный дом с каменным особым флигелем и с деревянными пристройками, часть того строения поступила в переделку, а другая часть по неудобству была сломана.

Старый оный дом с принадлежностью также с пусто-розжим местом и садом, прежде принадлежал покойному Лазарю Назаровичу родителю основателей заведения господ Лазаревых и по разделу достался... Екиму Лазаревичу, который... пожертвовал тот дом с местом в пользу учебного заведения, приступил к началу и кончил новый корпус здания со всеми при оном строениями»³².

Сначала это было сравнительно небольшое учебное заведение, но уже в 1825 г. в нем насчитывалось 70 учеников³³.

Сохранилась запись о количестве обучавшихся в институте с 1 января 1816 г. по 1 января 1825 г.³⁴

³⁰ МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 1, л. 111, 145.

³¹ В. Дилоян в своей статье приводит письмо Аламдаряна, свидетельствующее о том, что он еще в 1813 г. преподавал у Лазаревых. Это упоминание не меняет, на наш взгляд, датировки начала занятий в институте, так как речь, вероятно, идет о преподавании в доме Лазаревых (В. А. Дилоян, *Из истории основания Лазаревского института*, стр. 65).

³² ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 148, л. 2.

³³ Для сравнения можно привести данные о числе обучавшихся в Московском университете, где при его организации в 1755 г. было 30 студентов.

³⁴ МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 1, л. III.

Принято воспитанников	В 1816 г.	Выпущено	Налицо к 1825 г.
	63	30	30
Приходящих	18	4	14
Пансионеров	29	16	13
Полупансионеров	18	8	10
<hr/>			
Итого	128	58	70

В институт принимались дети в возрасте от 10 до 14 лет. «От поступающих требуется начальное познание в основаниях закона божия, в чтении, письме и арифметике. Новопоступающие дети могут быть принимаемы в средние классы по испытанию, производимому преподавателями в присутствии инспектора»³⁵.

В Лазаревский институт принимали: «а) от 30 до 40 воспитанников армянского вероисповедания, содержимых на счет благотворительной суммы и завещенного капитала...»³⁶. Из этого числа 10 человек «из детей несостоятельного армянского духовенства»³⁷. Помимо этих, так называемых лазаревских воспитанников, в институте обучалось еще несколько юношей на средства, внесенные некоторыми состоятельными армянами (Арапетов, Аргутинский, Касперов).

Двери Лазаревского института были равно открыты как для детей армян, так и для юношей всех других национальностей. Руководители Лазаревского армянского учебного заведения показали себя людьми широким взглядов, пренебрегшими национальными и религиозными ограничениями своего времени.

Надо сказать, что первоначальный замысел основателей института был весьма скромным по сравнению с тем, что было сделано вскоре после создания института. Успех дела, популярность училища привели основателей к мысли о необходимости расширить программу. Если «первоначальная цель этого заведения ограничивалась элементарным обучением»³⁸, то вскоре «курс учения уже разделен на три класса: нижний, средний, высший»³⁹. В Лазаревском училище преподавались тогда наряду с другими предметами языки: русский, армянский, латинский, французский и немецкий. Первыми преподавателями Лазаревского училища были Смирнов

³⁵ «Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского армянского Лазаревского института восточных языков», СПб., 1839, стр. 130.

³⁶ Там же, стр. 128.

³⁷ Там же.

³⁸ «Исторический очерк Лазаревского института восточных языков», стр. 32.

³⁹ Там же, стр. 33.

(русский, или как писалось тогда, российский язык), Померанцев (русский и латынь), священники Артемий и Семён (армянский язык), Бальтюс (французский язык), Витте (немецкий язык), Басалаев (география и история), Беру (математика), Ратцин (каллиграфия). Уже в 1824 г. училище по программе не отличалось от гимназий того времени, а по постановке преподавания вскоре стало одним из лучших в Москве. Еще в первые десятилетия своего существования оно привлекало к себе внимание известных писателей и ученых того времени. Достаточно сказать, что училище посетили великий русский поэт А. С. Пушкин, поэт и дипломат А. С. Грибоедов, поэты В. А. Жуковский и П. А. Вяземский, известный поэт и переводчик Н. И. Гнедич, ученые — академик М. Броссе, А. Гумбольдт, деятель греческого освободительного движения А. Ипсиланти. Нельзя не отметить пребывание в пансионате института в 1829 г. И. С. Тургенева, будущего великого русского писателя.

Есть все основания предполагать, что семьи Лазаревых, а их ближайших родственников Абамелик — несомненно, были лично знакомы с А. С. Пушкиным и М. Ю. Лермонтовым.

Об этих интересных фактах говорят документы.

Княжне Анне Давыдовне Абамелик А. С. Пушкин посвятил стихи, публикуемые в сочинениях поэта под заглавием «В альбом кж. А. Д. Абамелик».

Когда-то (помню с умилением)
Я смел Вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели с благоговеньем,
Вам нынче поклоняюсь я.
За Вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь,
И Вашей славою и Вами,
Как нянька старая, горжусь.

В современных изданиях к этим стихам можно прочесть следующие примечания: — «княжну Анну Давыдовну Абамелик Пушкин знал, когда ее двухлетним ребенком привезли в лицей, в приемные дни для посещения кого-то из товарищей Пушкина. Об этом и вспоминает поэт в первых стихах»⁴⁰.

М. Ю. Лермонтов подарил А. Д. Абамелик (она была тогда уже замужем за Баратынским, братом известного поэта) автограф стихотворения «Последнее новоселье».

⁴⁰ А. С. Пушкин, Собрание сочинений, т. 2, М., 1959, стр. 362. К слову сказать, в примечание вкралась неточность. Этот «кто-то» был не лицест. В Царском Селе стоял лейб-гвардии гусарский полк, в котором служили братья Анны Давыдовны.

Анна Давыдовна была дочерью Давыда Семеновича и Марфы Екимовны (урожденной Лазаревой). «Княгиня Анна Давыдовна Абамеликова в 1832 году была принята в качестве фрейлины при дворе»⁴¹. Лазаревы и Абамелик являлись близкими родственниками Хастатовых, которые были в родстве с Лермонтовым. Мария Акимовна Шан-Гирей (урожденная Хастатова) приходилась теткой М. Ю. Лермонтову (Лермонтов переписывался с Марией Акимовной, с сыном которой он воспитывался). «Видимо, имея в виду придворные связи Анны Давыдовны, Лермонтов привез стихотворение „Последнее новоселье“ с просьбой добиться у великого князя Михаила Павловича разрешения напечатать его»⁴².

Автографы двух великих поэтов хранились среди семейных реликвий Абамелик-Лазаревых.

Лазаревский институт был одним из лучших светских учебных заведений того времени. Слава института очень быстро распространилась среди армян не только России, но и далеко за ее пределами. Достаточно сказать, что среди воспитанников института были армяне из Персии, Турции и даже Индии. В своем выступлении на юбилее в 1886 г. видный арменовед профессор Эмин говорил, что ему было девять лет, когда отец отвез его из Джульфы в Калькутту⁴³ и отдал в «Армянское человеколюбивое училище». «Здесь впервые узнал я, — сказал Эмин, — о существовании Лазаревского института, который с тех пор стал моей мечтой, и не успокоился я, пока не сел на шведский корабль, отправляющийся в Стокгольм. Я объехал Азию, Африку, Европу и через Швецию и Финляндию попал в Москву в заветный институт»⁴⁴. Успех Лазаревского института, его популярность объясняются не только хорошей постановкой преподавания, но и в первую очередь тем, что институт находился в Москве. Именно с Россией было тесно связано армянское освободительное движение, чаяния народа, а после присоединения Восточной Армении — судьба значительной части армянского общества.

Что касается других армянских училищ России — Агабабовского в Астрахани, Нерсисянского в Тифлисе и других, то

⁴¹ С. Г. Арешян, *Армянская печать и царская цензура*, Ереван, 1957, стр. 27.

⁴² «Новое время», 23.IX.1916.

⁴³ Лазаревский институт был не только не единственным, но далеко не старейшим армянским учебным заведением. В Париже, Венеции, Калькутте, Астрахани имелись армянские училища; некоторые из них возникли задолго до Лазаревского.

⁴⁴ «Празднование 50-летнего юбилея учебно-педагогической деятельности Н. О. Эмина», М., 1887, стр. 65.

они были лишены богатой материальной базы и, находясь вдали от университетских центров, конечно, не могли соперничать с Лазаревским. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что Закавказье многие десятилетия после присоединения управлялось не гражданской, а военной администрацией.

Царское правительство не было заинтересовано в просвещении закавказских народов. Поэтому пришлось потратить много усилий, чтобы добиться признания Лазаревского института. Несмотря на то что государственной казне Лазаревское учебное заведение не стоило ни копейки, Министерство просвещения его не поддерживало. На протяжении многих лет чиновники Министерства и сами министры — князь Голицын, барон Ливен, граф Уваров всячески, под любым предлогом препятствовали развитию этого учебного заведения. Министерство просвещения и в особенности его Комитет устройства учебных заведений не утверждали неоднократно представляемый устав института, отказывали ему в правах, закрепленных за гимназиями с аналогичным курсом. Московский генерал-губернатор чинил препятствия даже строительству учебных зданий. Правительство не закрыло Лазаревское училище, вероятно, только из тех соображений, что оно нуждалось в людях, знающих восточные языки. Видимо, определенное значение имело и то обстоятельство, что Лазаревы были влиятельной и близкой ко двору фамилией.

Хотя политика царского правительства в армянском вопросе изменилась после присоединения Восточной Армении, все же оно не нашло удобным, при отсутствии серьезных возражений, игнорировать многочисленные просьбы армянского духовенства, дворянства и купечества, которое всегда способствовало успехам ближневосточной политики России.

Все это, бесспорно, тяжело отражалось на положении дел в институте, лишало необходимой уверенности в завтрашнем дне как преподавателей, так и учащихся.

В архивах сохранилось обращение (датированное 1817 г.) в правительство с просьбой о «...даровании сему единственному восточному заведению прав и преимуществ, каковыми пользуются Московская коммерческая практическая академия и многие другие, с наименованием Армянская Лазарева Академия»⁴⁵. Это обращение было отклонено под тем предлогом, что данное учебное заведение «неуместно» называть Академией. Создатели института были согласны на любое, угодное Министерству просвещения название, но неизменно получали отрицательный ответ.

⁴⁵ МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 1, л. 3.

Новый проект устава под названием Армянская Лазарева гимназия высших наук и восточных языков был представлен князю А. Голицыну. Предполагалось, что в учебном заведении, помимо западных, будут изучаться языки армянский, персидский, турецкий, арабский. Параграф 4-й определял цель учебного заведения — подготовка лиц, из армян, а также представителей других национальностей к государственной службе. Это аргументировалось необходимостью подготовить людей «нужных по политическим и торговым отношениям империи, и тем, с одной стороны, удовлетворять настоящие потребности в учителях и переводчиках сих языков; с другой, способствовать... полезному распространению исторических и статистических сведений о народах и странах азиатских»⁴⁶.

Но и это достаточно мотивированное обращение, как и другие, не имело успеха.

При сложившихся обстоятельствах Иоаким Лазарев пошел на своеобразный маневр. Как пишет Г. И. Кананов, один из будущих директоров института, «родилась мысль поставить Лазаревское училище под власть и покровительство одного из высоких и влиятельных государственных людей эпохи»⁴⁷. Выбор пал на фаворита Александра I — графа Аракчеева. Его Лазарев, по рекомендации М. М. Сперанского, просил взять под свое покровительство учебное заведение. И с ноября 1824 г. Лазаревское училище считалось «в ведомстве особого начальства, от которого в таком случае зависеть уже будет начертать и правила для сего заведения»⁴⁸.

Грубый и невежественный солдафон Аракчеев не имел ни знаний, ни времени, ни желания для занятия училищем и, естественно, не мог оказать какого-либо влияния на учебный процесс. Ни в воспоминаниях современников, ни в архивных документах никак не отразилось, если не считать единственного посещения института, «попечительство» Аракчеева. То обстоятельство, что институт остался вне официальных регламентаций помогло ему сохранить относительную независимость. Этому способствовало, вероятно, и то, что он не был на государственном бюджете. Являясь частным учебным заведением, оно, по сравнению с казенными, меньше контролировалось. Вот почему прав Г. И. Кананов, утверждая: «Впрочем

⁴⁶ Там же, л. 42.

⁴⁷ «Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Лазаревского института», М., 1865, стр. 23

⁴⁸ Там же, стр. 24.

и самому попечителю Екиму Лазаревичу перестала, по-видимому, улыбаться эта перспектива, он уже боится выпустить из своих рук дорогое детище — школу, дать ей несвойственную форменную окраску казенных заведений, облечь ее в стереотипную форму существования...»⁴⁹.

Первое десятилетие XIX в. в России ознаменовалось поворотом к реакции, проявившейся, в частности, и в просвещении. В 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения; возглавил его обер-прокурор синода князь Голицын. Он стремился перестроить преподавание в духе «священного писания», усилить контроль над студентами и профессурой. Из университетов стали изгонять передовых преподавателей. Первым подвергся разгрому Казанский университет, куда для ревизии с правами попечителя учебного округа был послан в 1819 г. М. Л. Магницкий. Он уволил за «неблагонадежность» более десяти профессоров. От него не отстал и Д. П. Рунич, попечитель петербургского учебного округа, изгнавший из университета передовых профессоров. То же происходило и в других учебных заведениях.

В отношении Московского университета «реакция не решалась действовать столь открыто. Слишком велико было общественное значение университета... но целый ряд реакционных мероприятий был проведен правительством и в отношении этого центра передовой русской науки и культуры. Так, в 1819 г. была учреждена кафедра богословия, которой не существовало в Московском университете с самого его основания. Вскоре фактически прекратилось преподавание философии, усилилась цензура, последовали массовые запреты книг, содержание которых не соответствовало религиозным догмам, был установлен строгий контроль за преподаванием. С целью затруднить доступ в университет разночинцам в 1820 г. была введена плата за обучение»⁵⁰.

Ранее уже отмечалось, что Министерство просвещения всячески мешало Лазаревскому училищу. Не улучшилось положение и после перехода учебного заведения в ведение высокопоставленных главноначальствующих.

В 1827 г. Александр Шишков, адмирал и министр просвещения, больше известный эпиграммами А. С. Пушкина, отклонил очередной проект устава. Он требовал, чтобы училище было или общеобразовательным, или специальным учеб-

⁴⁹ «75-летие Лазаревского института восточных языков», М., 1891, стр. 10, 11.

⁵⁰ «Московский университет за 200 лет», М., 1955, стр. 37.

ным заведением по преподаванию восточных языков. В ответе Министерству просвещения руководители института писали, что училище успешно существует уже более 10 лет; многие его выпускники поступили в университет, другие же успешно служат переводчиками. Главная цель училища «состоит в том, чтобы юношеству не только армянскому, но и всем желающим доставать способы к образованию в науках и особенно к теоретическому и практическому изучению восточных языков»⁵¹. Тогда Комитет устройства учебных заведений в сентябре 1827 г. поручил А. К. Шторху⁵² подготовить учебный план и устав Лазаревского учебного заведения.

Детальное знакомство с Лазаревским училищем убедило Шторха в том, что оно отличается от других гимназий (серьезной постановкой изучения восточных языков, подготовкой учителей для армянских училищ, а также священнослужителей), и ходатайствовал перед Комитетом о наименовании училища лицеем или институтом. Шторх отметил большую пользу изучения восточных языков в Лазаревском институте для страны.

Проект устава, составленный Шторхом, Ф. Аделунгом⁵³ и Х. Д. Френом⁵⁴, не удовлетворил Комитет и последний по-прежнему чинил всяческого рода препятствия для успешной работы Лазаревского училища. Лишь в декабре 1827 г. гимназия получила наименование Лазаревский институт восточных языков⁵⁵. Обращает на себя внимание дата — декабрь 1827 г. За несколько недель до этого русские войска нанесли серьезное поражение персам, освободили город Ереван. Успешно для России завершилась русско-персидская война и присоединение Восточной Армении. Менялись министры (на место Голицына пришел Шишков, Шишкова сменил Ливен), но отношение к институту оставалось прежним. Как видим, «покровительство» влиятельных лиц не помогало институту.

В июне 1829 г. Лазаревы добились разрешения открыть при институте типографию. Заблаговременно у М. А. Салтыковой был куплен участок (расположенный между старыми

⁵¹ МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 5, л. 125.

⁵² А. К. Шторх (1766—1835) — академик, один из видных экономистов России.

⁵³ Ф. Аделунг (1768—1843) — лингвист и источниковед.

⁵⁴ Х. Д. Френ (1782—1851) — видный русский арабист, нумизмат. Профессор Казанского университета, академик, первый директор Азиатского музея. Сыграл значительную роль в развитии русского востоковедения.

⁵⁵ Рассмотрение устава и прав Лазаревского института было отложено до общего преобразования уставов всех других учебных заведений (МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 5, л. 174).

зданиями института и домом Вевевитинова) с каменным домом и другими сооружениями, а у Иосифа Иоаннесова — типография в Петербурге (которая была перевезена в Москву). 23 июня 1829 г. типография начала работать. «Круг действий сей типографии с 1830 г., после умножения станков и после устройства различных потребностей, распространился, книгопечатанье с успехом продолжается на 13 языках, европейских и азиатских, кои суть: российский, армянский, латинский, греческий, французский, немецкий, английский, итальянский, венгерский, грузинский, сербский, турецкий и персидский»⁵⁶. Типография института к концу 30-х годов имела 21 образец шрифтов для европейских и восточных языков (часть шрифтов заказывалась за границей, куда специально посылали людей). Она все время расширялась, приобреталась новое оборудование.

Издательская деятельность института была для своего времени значительным культурным фактором. В типографии института печатались не только пособия, учебники. С 1833 по 1838 г. вышло три тома «Собрания актов, относящихся к обозрению истории армянского народа». В 1836 г. при большой материальной помощи И. Е. и Х. Е. Лазаревых (они заплатили 30 тыс. рублей ассигнациями автору и 5 тыс. затратили на печатание)⁵⁷ был издан в двух томах «Армяно-русский словарь», составленный А. Худабашевым, бывшим воспитанником Лазаревского института.

С начала 40-х годов типография сдавалась в аренду, но арендаторы обязывались печатать все то, что потребуется институту, а «корректуря же сочинений восточных (персидских, арабских, турецких и армянских) должна лежать на ответственности Совета Института»⁵⁸.

С первых дней существования институт начал создавать библиотеку. Лазаревы ассигновали значительную сумму на приобретение книг, оборудование, а также принесли в дар ценные книги. С течением времени при институте была создана сравнительно богатая библиотека, в которой собирались также рукописи на восточных языках. Уже в 1836 г. библиотека насчитывала 8 тыс. томов. Попечители института приобретали книги в различных городах России и в западноевропейских научных центрах — в Вене, Венеции, Париже, а также в странах Ближнего и Среднего Востока. Помимо этого, фонд библиотеки пополнялся дарами преподавателей инсти-

⁵⁶ «Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревского института восточных языков», стр. 184.

⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 147, л. 193.

⁵⁸ Там же, д. 156, л. 144.

тута, бывших воспитанников, а также различными почитателями.

С самого своего возникновения Лазаревское училище, где преподавание шло на русском языке, отличалось от гимназий тем, что в нем изучали восточные языки.

Инициатива введения в программу училища восточных языков принадлежала опять-таки представителям семьи Лазаревых. Выходцы из Ирана, тесно связанные с армянскими торговыми обществами, они прекрасно понимали важность изучения восточных языков, подготовки знающих переводчиков для России.

Таким образом, кроме цели создать общеобразовательную школу для армянского юношества и готовить учителей для армянских школ, появилась новая — создать центр восточного языкознания в Москве. Эти основные задачи и определяли до 1848 г. деятельность института.

Как уже говорилось, из восточных языков в первые годы существования института преподавался только армянский, но уже в описании «Армянского гг. Лазаревых учебного заведения за 1821 г.» в разделе перечень предметов читаем: «полный же курс наук, который предполагается быть впредь следующие:

...XII словесность армянская,

XIII словесность персидская»⁵⁹.

В двадцатые годы XIX в. в институте было введено преподавание персидского, турецкого и арабского языков. И с тех пор из зарубежных восточных языков в Лазаревском институте неизменно преподавались именно эти три языка, литература персидская, турецкая и арабская. В программе по истории основное внимание уделялось истории стран Ближнего и Среднего Востока, вопросам мусульманской теологии.

Восточные факультеты Петербургского и Казанского университетов охватывали значительно большее число зарубежных языков и имели более широкий, чем Лазаревский институт, лингвистический профиль.

До преобразования Лазаревского института в 1848 г. общее число лиц, обучавшихся восточным языкам, было в несколько раз меньше всех учащихся. Так, в 1837 г. из 88 учащихся восточными языками занимались 8; в 1840 г. из 90 учащихся — 8; в 1848 г. из 30 учащихся I класса 16 изучали по одному восточному языку; во II классе из 22 учащихся один Оксюзов занимался тремя языками, а остальные в числе

⁵⁹ МОГИА, ф. 213, оп. II; д. 1, л. 34.

8 учеников — одним; в III классе из 24 учащихся один Бердяев изучал три языка, а 8 кто два, а некоторые из них — один; в IV классе из 22 учащихся 12 изучали восточные языки. Из этого числа 10 человек занимались персидским языком, Щепотьев — турецким, а Патканов — турецким и персидским. В V классе из 13 человек восточными языками занималось всего четверо.

Три языка (арабский, персидский и турецкий) учил только Юзбашев, арабский и турецкий — Дорохов, а персидский — Абаделиков и Саннасаров⁶⁰.

«Восточным языкам, преимущественно арабскому и турецкому, обучаются армяне; прочие воспитанники, большею частью русские, проходят общий гимназический курс, приготавливаясь к математическому факультету»⁶¹.

Восточные языки не считались обязательными; их изучали «только избранные Советом воспитанники и те из пансионеров и полупансионеров, какой бы они ни были нации, кои пожелают сами изучать восточные языки»⁶². Обязательными языками были латинский и французский, факультативно занимались немецким.

В правилах института, опубликованных в 1830 г. в разделе «Правила преподавания восточных языков», дается характеристика курса дисциплин по Востоку. «Армянский язык преподается во всем пространстве, преимущественно для природных армян. Преподавание же других трех восточных языков, как-то: арабского, персидского, турецкого имеет быть практическое с изъяснением теории, должно начинаться с арабского, как основания обоих других. Через два года после арабского следует приступить к изучению персидского и потом год заниматься турецким, начиная с грамматики и продолжая упражнениями в чтении лучших писателей, разговорах и сочинениях. Лекции заключают в себе общий взгляд на историю, географию и литературу армян, арабов, персов и турок, равно и прочих восточных народов»⁶³.

⁶⁰ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 204, лл. 2, 3.

⁶¹ Словесное отделение университета не упоминается, так как греческий язык, знание которого было обязательным для поступающих на данное отделение, в Лазаревском институте не преподавался (там же, д. 169, л. 22).

⁶² «Собрание актов, относящихся к обозрению армянского народа», ч. 3, М., 1838, стр. 145.

⁶³ «Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревского института восточных языков», СПб., 1839, стр. 142, 144 (страницы указаны точно: книга печаталась на двух языках — на нечетных страницах текст на армянском, на четных — на русском языке).

Теоретическое и практическое изучение языков закреплялось и путем внеклассных упражнений. В правилах института имеется описание внеклассных занятий. «Познание иностранных языков сверх обучения в классах укрепляется изустным употреблением в комнатах, чему особенно способствуют надзиратели, объясняясь постоянно с воспитанниками на иностранных языках и исправляя делаемые ими в разговорах погрешности»⁶⁴. Что касается надзирателей, то большинство их было людьми образованными (позже они набирались преимущественно из воспитанников Лазаревского института).

Мы располагаем весьма скудными сведениями о преподавании и преподавателях восточных дисциплин в Лазаревском институте. Известный исследователь истории русского востоковедения Н. И. Веселовский в книге «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» пишет: «О преподавателях турецкого языка в Лазаревском Институте Восточных Языков, известно мне лишь то, что в 1830-х годах преподавал его там армянин Аракел Шакумов, а в настоящее время (книга Н. И. Веселовского была издана в С.-Петербурге в 1879 г. — А. Б.) преподает его там экстраординарный профессор М. Л. Лазарев (в книге допущена описка: надо Л. Э. Лазарев. — А. Б.), составитель „Турецко-татарско-русского словаря, наречий османского, крымского и кавказского“ (Москва, 1864) и „Сравнительной хрестоматии русского языка, наречий Османлы и Адербиджан...“, Москва, 1866»⁶⁵.

Еще меньше материалов имеется о первых годах существования Лазаревского института. Тем не менее установить фамилии преподавателей, а также учащихся, занимавшихся восточными языками, представляется возможным.

Первым преподавателем восточных языков (турецкого, арабского, персидского и армянского) был архимандрит, а позже архиепископ Михаил Салатьян. Архивная запись следующим образом характеризует этого по тогдашним временам сравнительно хорошо эрудированного человека: «Архиепископ Михаил Салатьян, известный богослов, арменист и сведущий в латинской и греческой словесности, изучивший русский язык, обучался в Азии, потом в Риме, в Венеции и был в разных путешествиях по Европе и Востоку. Еще находился потом ректором и законоучителем армянского веро-

⁶⁴ Там же, стр. 152.

⁶⁵ Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, СПб., 1879, стр. 204, 205.

исповедания в Лазаревском институте, в продолжение почти 20 лет, и издал богословские и другие книги на армянском и латинском языках»⁶⁶.

В одном из архивных документов (не датированном) имеются фамилии первых учеников, точнее воспитанников, занимавшихся восточными языками, «Сии ученики учатся турецкому языку.

Четвертого класса	Федор Хадамов Федор Алачев Соломон Кетхудов Симеон Султаншахов Артемий Авалов
Третьего класса	Авет Мамиконов Сергей Хорасанов
Второго класса	Христофор Елимирзов Григорий Мирзаянов» ⁶⁷ .

Время учебы этих воспитанников помог установить «Реестр сколько за исключением вновь выпущенных учеников при Московском Армянском учебном заведении находится воспитанников, пансионеров, полупансионеров и приходящих учеников за I пол. 1825 г.». Из «Реестра...» явствует, например, что Кетхудов, Алачев, Хадамов поступили в институт в 1822 г., Мамиконов, Хорасанов и другие — в 1824 г.

В начале 30-х годов происходит закрепление за преподавателями одной или двух языковых дисциплин. Несмотря на оптимистическое заявление командира института (эта должность существовала в институте в 30-х годах) генерал-майора Римана, что «преподавание персидского и турецкого языков отдельное составило занятие, под руководством ориенталистов»⁶⁸, изучение восточных языков из-за отсутствия высококвалифицированных педагогов находилось не на высоком уровне. Достаточно сказать, что преподаватели персидского и турецкого языков не были по своей подготовке и образованию педагогами. И если второй из них, коммерческий агент Шахумов, справлялся с преподаванием, — то скорее по счастливой случайности. Что касается преподавателя персидского языка Мирзы Джафара, то о нем сохранилась в ар-

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 34, л. 245 об.

⁶⁷ МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 5, л. 81 об.

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 163, л. 42.

хиве уничтожающая характеристика. «Он (Мирза Джафар. — А. Б.) почти не может преподавать персидский язык, не зная сам правил и хорошей методы; ибо из 12 учеников 3 человека начинают только еще читать, а прочие кончили азбуку»⁶⁹.

Было решено поручить преподавание персидского языка Будагову, ранее работавшему в институте надзирателем.

С 1 августа 1834 г.⁷⁰ в первом, втором и третьем классах изучали турецкий и персидский языки; «затруднение, какое доселе встречаемо было в приискании опытных преподавателей восточных языков, в нынешнем году (декабрь 1834 г. — А. Б.) устранено: для турецкого и персидского языков приисканы учителя...»⁷¹.

Турецкий язык преподавал Аракел Шахумов, он же был учителем и арабского языка, но, видимо, уже тогда стремились к специализации каждого учителя. Вот почему в рапорте Рима́н не упоминает арабский язык (в то время все еще не был «приискан» специалист).

Персидский язык преподавал Лазарь Захарович Будагов (родился в Астрахани в 1812 г.). Первоначальное образование он получил в местном армянском училище Агабабова, затем он окончил астраханскую гимназию. После этого Будагов слушал лекции в Московском университете (но курса не окончил). В течение двух с половиной лет работал преподавателем в Лазаревском институте. Завершил образование Будагов в 1840 г. в Казанском университете (окончил отделение восточных языков философского факультета). С конца 40-х годов жизнь Л. З. Будагова была связана с Петербургским университетом и со службой в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

После отъезда Л. З. Будагова из Москвы преподавание персидского языка возложено было на Н. И. Тавришева.

* * *

Завершив присоединение Закавказья, царское правительство изменило свою политику в обширном, богатом и многонациональном крае. Оно перешло от военной администрации к гражданскому управлению, пересмотрело местные земельные, правовые и иные институты и приспособило их целям колониальной политики русского царизма.

⁶⁹ Там же, л. 3 об.

⁷⁰ Учебный год начинался с 1 августа.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 163, л. 3 об.

До присоединения Восточной Армении царское правительство придерживалось политики «пряника» в отношении армян, «однако, когда присоединение Армении к России стало фактом, император Николай I и его министры „забыли“ о тех обещаниях, которые давали их предшественники армянскому народу»⁷².

Высшие сановники России и даже сам царь проявляли интерес к Лазаревскому институту восточных языков, что объяснялось стремлением приспособить его для целей своей восточной политики. 4 октября 1834 г. Николай I в сопровождении А. Бенкендорфа (шеф жандармов был в то время главноначальствующим института) посетил Лазаревский институт восточных языков. Вслед за этим институт получил признание со стороны официальных властей, чего безуспешно добивался два десятилетия.

«В 1835 г., в силу указа сего года ноября 20 (Лазаревский институт. — А. Б.) помещен во второй разряд учебных заведений наравне с гимназиями, корпусами и другими учебными заведениями»⁷³. Тогда же определена была его цель: во-первых, доставлять опытных переводчиков восточных языков, изучивших их теоретически и практически; во-вторых, готовить учителей для всех прочих воспитательных заведений армянского народа и образованных священнослужителей для христиан григорианского вероисповедания»⁷⁴.

«В 1843 г., по воле его императорского величества, назначены были 5 учеников из закавказских уроженцев в Лазаревский институт, для приготовления себя на службу в тамошнем крае»⁷⁵. Это еще одно проявление стремления правительства использовать институт в своих целях.

По правительственному положению 1838 г. воспитанники института, находившиеся на иждивении основателей института, обязаны были после окончания посвящать себя либо религиозной деятельности, либо проработать не менее шести лет в армянских школах России или в самом Лазаревском институте⁷⁶. Это правило, не всегда строго соблюдавшееся, было, кстати сказать, повторением пункта из университетского устава, по которому студенты после окончания университета долж-

⁷² М. А. Адонц, *Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в.*, Ереван, 1957, стр. 96, 97.

⁷³ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 168, л. 2.

⁷⁴ Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, стр. 35.

⁷⁵ А. Зиновьев, *Исторический очерк Лазаревского института восточных языков*, СПб., 1835, стр. 50.

⁷⁶ «Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревых института восточных языков», стр. 132.

ны были в течение шести лет служить в системе просвещения главным образом учителями⁷⁷.

Лазаревский институт превратился в центр по подготовке учителей для армянских школ. Он направлял своих выпускников в армянские школы Астрахани, Тифлиса, Новой Нахичевани и многих других городов. С просьбой прислать учителей обращались в институт даже из Персии и Египта. Помимо этого, институт посылал в различные армянские учебные заведения России и других стран в дар выпущенные в Москве книги по истории культуры Армении и издания института.

В 1841 г. были произведены некоторые изменения в институте. «Для расширения пределов классов в Институте и для доставления оному всех способов к существованию и процветанию наравне с лучшими учебно-воспитательными заведениями, Совет института положил открыть в сем году пятый высший класс; Попечитель и директор определили и сумму на таковое распределение знания»⁷⁸.

Открытие пятого класса давало возможность лучше организовать педагогический процесс, и, как писал попечитель института Иван Лазарев и директор Христофор Лазарев, институт «в состоянии будет надежнее приготавливать воспитанников своих к университету»⁷⁹.

В том же, 1841 г. в Лазаревском институте было открыто «особое отделение для образования юношества духовного звания на 20 воспитанников. Для помещения духовного отделения назначено распространить институт посредством соединения обоих флигелей к новому корпусу»⁸⁰. (Реконструкция здания была произведена в 1842 г.) Но фактически такого рода специализация части учащихся — детей армянских священнослужителей — определилась значительно раньше, со времени возникновения института, а в 1841 г. получила правительственную регламентацию. Для воспитанников духовного отделения читались специальные лекции по богословию, курс толкования священного писания и т. д. Но следует заранее оговориться, что духовное отделение не походило ни на духовную академию, ни на духовную семинарию. Просто дети несостоятельной части духовенства приобрели возможность получить светское и духовное образование. Права посвящения в сан институт не имел и не добивался. Вот почему

⁷⁷ «Московский университет за 200 лет», стр. 33.

⁷⁸ МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 22, л. 14.

⁷⁹ Там же, д. 26, л. 67.

⁸⁰ Там же, д. 17, л. 54.

это новое отделение во многих архивных документах называется отделением «для воспитания армянского юношества из духовного звания...»⁸¹.

Таким образом, все эти изменения, нововведения, открытое вмешательство властей привели к тому, что структура института чрезвычайно усложнилась. С начала 40-х годов цель института состояла в том, «чтобы а) доставить юношеству средства к воспитанию и образованию в науках, служащих приготвлением к государственной службе, военной и гражданской, и к поступлению в высшие учебные заведения Империи — в Университеты и в Академии; б) образованием в восточных языках приготовить чиновников для службы в Закавказском крае; с) доставить армянскому юношеству нравственное и умственное образование и d) приготовить просвещенных священнослужителей армянской церкви»⁸².

Однако все эти изменения все еще не удовлетворяли правительство. Через Кавказский комитет⁸³, нового главноначальствующего институтом А. Ф. Орлова, министра внутренних дел (назначен в 1844 г. после смерти Бенкендорфа), ведется подготовка к изменению профиля института⁸⁴.

Одним из инициаторов радикальных изменений в Лазаревском институте был управляющий делами Кавказского комитета. В пространной записке на имя министра внутренних дел и главноначальствующего Лазаревским институтом, управляющий писал: «Во время пребывания там (в Москве. — А. Б.) произведено было испытание Кавказским уроженцам, воспитывавшимся в Лазаревском институте. При сих испытаниях найдено, что воспитанники учатся весьма удовлетворительно, заботливость о них начальства примерная, порядок во всем заведении отличный; но тем не менее это заведение во многих отношениях не достигает своей цели.

Во-первых, курс учения ограничивается пятью классами и, обнимая не только все предметы гимназического обра-

⁸¹ Там же. Подробное изложение этого вопроса вызвано тем обстоятельством, что много позже возникнут споры о назначении духовного отделения.

⁸² ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 168, л. 2.

⁸³ Кавказский комитет, особый междудементственный орган, создан в 1840 г. царским правительством для решения административных, политических вопросов, связанных с включением Кавказа в состав Российской империи. Просуществовал до 1882 г.

⁸⁴ Обращает на себя внимание тот факт, что главноначальствующим институтом правительство назначало непременно министра внутренних дел. Правительство, видимо, исходило из тех соображений, что все вопросы, связанные с устройством Закавказья, находились в компетенции Министерства внутренних дел.

зования, но, сверх того, и восточные языки, в гимназиях не преподаваемые, весьма сжат и краток.

Во-вторых, курс этот не окончательный, а только подготовительный и воспитанники для окончания курса должны поступать в Московский Университет, где вовсе нет отделения восточных языков и где кавказские воспитанники не только не могут усовершенствоваться в главном предмете их образования — восточной словесности, но легко могут позабыть все то, что они прошли по этой части в Лазаревском институте; и в-третьих, воспитанники этого заведения не пользуются почти никакими правами...»⁸⁵.

Министр внутренних дел, «основываясь на мнении Кавказского комитета, указывает попечителю, что институт нуждается в коренной реформе для достижения цели, предположенной правительством, готовить, с одной стороны, чиновников для Закавказского края, основательно знающих туземные языки, а с другой — переводчиков, хорошо знакомых со всеми употребляемыми в Закавказье языками»⁸⁶.

Это одна задача, которую хотело поставить правительство перед Лазаревским институтом. Какой является вторая, — становится ясным из письма Орлова министру просвещения. В нем министр внутренних дел писал: «В заключение долгом считаю присовокупить, что с преобразованием Лазаревского института на вышеизложенных основаниях, вполне согласных с теми основаниями, кои указаны государем императором, откроется в Москве заведение, которого именно для Москвы, при настоящих торговых сношениях ее с Востоком не достает, заведение, где будут изучать восточные языки в обширном размере и которое, таким образом, будет заменять восточный факультет университета, не требуя никаких издержек со стороны казны».⁸⁷

В 1848 г. управляющий делами Кавказского комитета В. П. Бутков, попечитель И. И. Лазарев, директор института Х. И. Лазарев составили проект устава и штат института и внесли их на рассмотрение Кавказского комитета.

⁸⁵ «Семидесятилетие Лазаревского института», М., 1891, стр. 149, 150.

⁸⁶ «Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков», М., 1903, стр. IV.

⁸⁷ «Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Лазаревского института восточных языков», М., 1865, Приложение, стр. 35.